

Религиоведение. 2025. № 3. С. 105–113.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2025. No. 3. P. 105–113.

DOI: 10.22250/2072-8662-2025-3-105-113

Гринин Л.Е.¹, Коротаев А.В.², Ходунов А.С.³

^{1, 2, 3} НИУ «Высшая школа экономики»

^{1, 2, 3} 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20

¹leonid.grinin@gmail.com; ²akorotayev@gmail.com; ³nalim13s@mail.ru

Многоликий религиозный фундаментализм, его социально-политические и демографические аспекты. Общие характеристики. Исламский фундаментализм

Аннотация. Статья посвящена исследованию современного религиозного фундаментализма и особенностей его проявления в основных религиях. Статья названа «Многоликий фундаментализм», потому что, несмотря на разнообразие в религиозных принципах и взглядах, у религиозного фундаментализма в разных религиях есть много принципиально общего, главное – фундаменталисты ставят религиозные принципы и нормы во главу угла как в личной, так и в общественной жизни. Наиболее широко в современном мире представлен исламский фундаментализм, хотя в отдельных случаях можно встретиться с активными проявлениями фундаментализма и в других религиях. В данной статье даётся анализ общих характеристик религиозного фундаментализма. Отмечается, что религиозный фундаментализм необходимо разделять на умеренный и радикальный. Далее в статье исследуется исламский фундаментализм. Он делится на суннитский и шиитский фундаментализм, и в каждом из них можно найти как умеренные, так и радикальные течения. При этом, если для суннитского радикального фундаментализма характерна активизация террористических и деструктивных действий в 2000-е и 2010-е гг., то для шиитского фундаментализма, наоборот, можно наблюдать переход от определённых элементов радикализма в 1980-е гг. к более умеренному и конструктивному поведению в настоящее время.

Ключевые слова: религиозный фундаментализм, исламский фундаментализм, традиция, радикализм, Запад, мировой порядок

Leonid E. Grinin¹, Andrey V. Korotayev²,
Alexander S. Khodunov³

^{1, 2, 3} National Research University “Higher School of Economics”

^{1, 2, 3} 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia

¹leonid.grinin@gmail.com; ²akorotayev@gmail.com; ³nalim13s@mail.ru

Many Faces of Religious Fundamentalism and the Socio-Political and Demographic Aspects of It. General Characteristics. Islamic Fundamentalism

Abstract. The article studies modern religious fundamentalism and the characteristics of its manifestations in major religions. It is called “The Many Faces of Fundamentalism”, because despite the diversity of religious beliefs and views, fundamentalism in different religions has many similarities. The main thing is that fundamentalists put religious principles and norms at the forefront of personal and public life. This paper, which consists of two related articles, analyzes religious fundamentalisms in its Islamic, Jewish, Hindu, and Christian forms. Islamic fundamentalism is most prevalent in today's world, although active manifestations can be seen in other religions as well. The paper examines the general characteristics of fundamentalism, noting that it can be divided into moderate and extreme forms. It is divided into Sunni and Shiite fundamentalisms, and within each there are moderate and radical tendencies. At the same time, Sunni radical fundamentalism was characterized by an intensification of terrorist and destructive actions in the 2000s and 2010s. In contrast, Shiite fundamentalism has seen a shift from certain elements of radicalism in the 1980s to more moderate and constructive behavior in the present day.

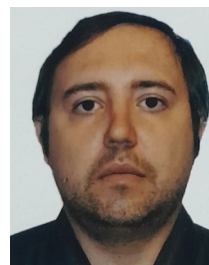
Key words: religious fundamentalism, Islamic fundamentalism, tradition, radicalism, West, world order

Л.Е. Гринин

А.В. Коротаев

А.С. Ходунов

**Религиозный фундаментализм как явление,
его общие черты и проявления**

Несмотря на существенные различия в религиях и культах, которые иногда переходят во взаимную вражду, консервативно-реакционные, или фундаменталистские религиозные движения самых разных направлений и идеологий имеют множество сходств. Это общее во всех фундаменталистских течениях проявляется в целом ряде важных и даже сущностных вещей, в частности в их подходах к культуре, языку, инновациям, ритуалам, отношению к внешним противникам и оппонентам, даже в лозунгах, выражениях, языковых штампах. Стереотипы поведения, способы воздействия на адептов и формы политических акций оказываются удивительно похожими. Склонность к насильственным действиям (от сравнительно мягких до исключительно жестоких) также характерна для фундаментализма. Фундаментализм может быть религиозным и светским (коммунизм, радикальный феминизм и др.). Тем не менее, очень важно делить религиозный фундаментализм на умеренный и радикальный.

В целом, религиозными фундаменталистами движут несколько основных сил, принципов, импульсов и стремлений (страстей, используя подходящий термин научного языка XIX столетия). Это, в частности: 1) достижение максимального единодушия и единомыслия в рядах своих последователей; 2) проявление нетерпимости к иным взглядам (внутри – к любому инакомыслию, вне общины/уммы/страны и т.п. – рассмотрение групп (стран, народов) с иной религией/идеологией как врагов или неверных). У радикального крыла фундаменталистов принцип «свой – чужой» (в целом присутствующий в любом обществе) доведён до крайней степени, а нетерпимость к «неверным» и особенно к инакомыслящим у них становится абсолютной. Максимы религии/идеологии становятся непререкаемыми и превращаются в тотальное орудие достижения единомыслия (путём разных способов: от порицания до репрессий) и сплочивания своей общности; 3) жёсткий консерватизм, попытки сохранить догматы в неизменности, борьба с изменениями (ярким примером тут являются израильские хасиды); 4) политика вытеснения или принижения всех не-своих (иной конфессии, языка, этничности и т.п.).

Фундаментализм определяют как движение за возвращение к основам, он имеет «реактивную» природу, поскольку является реакцией на происходящие процессы в любой сфере общества. Тем более, что фундаментализм сопротивляется повсеместной секуляризации и глобализации [Ким, 2014]. Подробный список причин активности современного фундаментализма можно найти у Г. Штойервальда [Steuerwald, 2024].

При этом самые острые конфликты у фундаменталистских религиозных групп и движений происходят часто именно в рамках их государств. Это особенно относится к иудейскому и индуистскому фундаментализму. Но даже в исламском фундаментализме, который направлен против Запада, едва ли не основное направление активности – именно внутриисламская борьба, причём не только между шиитами и суннитами.

Обычно напряжённость между адептами разных конфессий имеет место на низовых и бытовых уровнях, но очень часто не ограничивается ими, а переходит на политический и идеологический уровни, становится программами политических партий и государственными программами. В частности, это наблюдается в Индии, где индуистский радикальный фундаментализм стал активной государственной политикой. В результате радикальные индуисты стремятся поставить мусульман в положение граждан второго сорта. В пределах Израиля мы наблюдаем непрерывную конфронтацию между фундаменталистскими мусульманами и фундаменталистски настроенным израильским государством. Но и среди евреев движение иудеев-радикальных фундаменталистов начинает влиять на позицию всего общества. Нападения радикальных иудеев в марте 2023 г. на православный храм в Иерусалиме, принадлежавший Иерусалимской православной церкви, показывают, как реализуется такая цель, которая, по мнению советника патриарха Московского, представляет собой вытеснение из Восточного Иерусалима неиудейского населения. По его мнению, такая политика, не встречающая эффективного противодействия израильских властей, «приводит к убыванию христианского населения Святой земли» [Спицына,

2023]. Нельзя не упомянуть и об ударах израильтян по районам проживания христиан в Ливане в конце 2024 года.

Фундаментализм остаётся одним из существенных элементов нынешнего миропорядка. Но он не является чем-то статичным и постоянно претерпевает эволюционные изменения в современном модернизирующемся мире. Фундаментализм наблюдается в рамках не только традиционных религий, но и новых религиозных движений [см.: Головушкин, Соколов, 2024].

При этом представляется ошибочным иногда встречающееся в публицистике и даже научной литературе отождествление терминов «фундаментализм» и «радикализм» (а тем более «экстремизм» или «терроризм»). Ведь далеко не все фундаменталисты являются радикалами/экстремистами/террористами, как, впрочем, далеко не всех террористов/экстремистов/радикалов можно отнести к фундаменталистам. На наш взгляд, главный критерий, по которому можно отделять умеренных фундаменталистов от радикалов – это отношение к мирным жителям иных религий, конфессий, национальностей или социальных слоёв. Некоторые фундаменталисты могут провозгласить убийства мирных жителей дозволенными и даже сами участвовать в таких акциях. В этом случае фундаменталисты превращаются в деструктивную и опасную силу как для мирных жителей, так и для региона (а иногда и мира) в целом, и в таком случае их нельзя называть иначе, как экстремистами и террористами.

В то же время некоторые религиозные фундаменталисты, даже те, которые отличаются своей агрессивной риторикой против представителей иных религий и народов, могут при этом аккуратно вести себя с мирными жителями, не совершая преступлений, или просить об этом военных. Так, например, иракский политик-суннит Мишан аль-Джубури заявил, что всячески поддерживает убийства солдат и офицеров США в Ираке, так как они совершили там множество преступлений, и назвал солдат фундаменталистской суннитской Исламской армии в Ираке «героическими бойцами, защищающими свою страну от преступных захватчиков». Однако он подчеркнул, что при этом осуждает любые теракты и атаки на мирное население где бы то ни было, включая, например, теракт в Мадриде в 2004 г. и в Лондоне в 2005 г., так как убийство невинных противоречит исламу и Корану [America and Arabic media, 2010]. А во время Второй мировой войны (в мае 1941 г.) католический архиепископ Загреб Алоизие Степинац, придерживавшийся фундаменталистских взглядов, написал письмо руководству Хорватии, в котором резко осудил массовое убийство 260 сербов в церкви в г. Глина хорватскими нацистами (усташами), и попросил, чтобы больше не было ни одного инцидента с убийством невинных людей, так как такие убийства противоречат католическим заповедям. Но лидеры усташей не вняли его доводам, и их массовый террор продолжился [Perić, 2017, 187–188].

Так как заповедь о запрете убийства безоружных и невинных в тяжёлых уголовных преступлениях людей (вне зависимости от их национальности и отношения к религии) встречается в той или иной форме во всех основных религиях, те фундаменталисты, которые обладают глубокими знаниями о корпусе священных текстов своих религий, скорее склонны выступать против убийств мирных жителей. Отдельные тексты, противоречащие этой заповеди, они обычно считают применимыми только к конкретным событиям в древности, и уже неактуальными и утратившими силу в современном мире [см. об этом на примере фрагментов Корана об «убийстве неверных»: Naik, 2013].

В то же время существуют и нефундаменталистские, но тем не менее радикальные и террористические религиозные течения. К ним можно отнести группировку Аум Синрикё (запрещена в РФ): она формально принадлежит к буддизму, однако фактически основывает своё учение на религиозном синкретизме. В 1995 г. группировка устроила теракт в токийском метро, применив отравляющий газ, когда погибло 12 и было госпитализировано до 1 тыс. чел. [Olson, 1999].

Исламский фундаментализм

Наибольшее внимание в мировых СМИ и научных исследованиях уделяется исламскому фундаментализму. Одной из наиболее важных (и постоянных) основ для конфронтации служит деление исламского мира на шиитов и суннитов. При этом если для суннитского радикального фундаментализма характерна активизация

террористических и деструктивных действий в 2000-е и 2010-е гг., то для шиитского фундаментализма, наоборот, можно наблюдать переход от определённых элементов радикализма в 1980-е гг. к более умеренному и конструктивному поведению в настоящее время.

Достаточно наглядно сказанное проявляется в Сирии и Ираке, недаром же суннитское ИГИЛ (запрещено в РФ) возникло именно в пограничье этих стран [см. подробнее: Гринин, Исаев, Коротаев, 2016; Гринин, 2020]. Также нельзя не указать на буквальное (и потому ужасающее) возвращение к изначальной практике мусульман (включая возрождение рабства, средневековых форм уголовных наказаний и жестокие казни). Далее, важно иметь в виду, что, хотя все фундаменталисты выступают против модернистских влияний и зловредного влияния Запада, наиболее сильно отторжение западного влияния проявляется именно в исламизме, а многие исламские фундаменталисты строят свою идеологию вокруг неприятия развращающего влияния Запада [Гринин, 2020].

Поэтому когда радикализм порождает боевые движения и организации, которые противопоставляют себя «тлетворному и развращённому» Западу, возникает региональная или даже глобальная напряжённость. Помимо «Аль-Каиды» (запрещена в РФ), ИГИЛ (запрещено в РФ), стоит также указать на международную террористическую организацию «Боко Харам» (запрещена в РФ), наводящую ужас на жителей Нигерии и других африканских стран. Ниже будет рассмотрено несколько наиболее известных и характерных случаев исламского фундаментализма.

Первой всемирно известной исламистской террористической организацией стала «Аль-Каида». Она представляет собой ваххабитскую террористическую группировку, чья идеология основана на ненависти к Западу, включая гражданское население западных стран, и на произвольном и примитивном толковании исламских текстов. Группировка не жалует и мусульман, не придерживающихся ваххабизма. Также она выступает за ликвидацию светских режимов в исламских странах и создание всемирного халифата. Её возникновение относят к 1988 г. Ударную силу группировки составили боевики из арабских и других мусульманских стран, воевавшие против советских войск в Афганистане. На протяжении 1990-х гг. организацию финансировал и укреплял международный террорист Усама бен Ладен, убитый в 2011 г. Бен Ладен в 1996 г. объявил джихад Америке из-за «оккупации» его родной Саудовской Аравии, «осквернённой» присутствием американских войск, и заявил, что каждый верующий мусульманин теперь должен убивать американцев – не только военных, но и мирных жителей, и грабить их имущество. В 1998 г. «Аль-Каида» взорвала американские посольства в Кении и Танзании, что привело к гибели более 200 человек. 11 сентября 2001 г. «Аль-Каида» совершила крупнейший теракт в США с 3 тыс. погибших. В покровительстве «Аль-Каиде» обвинили движение «Талибан» в Афганистане, в котором с 1996 г. с разрешения талибов находилось руководство организации. Со стороны США и НАТО было совершено нападение на Афганистан, режим талибов был быстро свергнут, а базы «Аль-Каиды» в стране – уничтожены. Бен Ладен надеялся на всеобщее возмущение мусульман и их восстание против своих правительств, отказавшихся защищать Афганистан, но этого не произошло. Однако группировка активизировалась после нападения западной коалиции на Ирак в 2003 г. и совершила в нём множество терактов, в которых, правда, преимущественно гибли иракцы-мусульмане – в большинстве шииты, но также и умеренные сунниты. В 2000-х гг. «Аль-Каида» совершила множество терактов по всему миру – от Эр-Рияда и Касабланки до Лондона и Мадрида. Столь варварские методы, от которых к тому же гибли множество мусульман, оттолкнули «арабскую улицу» от поддержки «Аль-Каиды»: так, в Саудовской Аравии в 2007 г. её поддерживали лишь 10% опрошенных [Мирский, 2011]. В настоящее время организация очень серьёзно ослаблена по сравнению с 2001 г., но её ячейки по-прежнему существуют в отдельных нестабильных мусульманских странах, например, в Сомали, Сирии или Йемене [Вуман, 2019].

Пожалуй, наиболее жестокая радикально-исламистская группировка, ИГИЛ (запрещена в РФ), возникла в 2006 г. под именем «Исламское государство Ирак», в 2013 г. получила современное название «Исламское государство Ирака и Леванта» и стремительно расширилась в 2013–2014 гг., захватив большие, преимущественно

населённые суннитами территории Сирии и Ирака с целым рядом крупных городов. Её отряды образовались из бывших офицеров режима Саддама Хусейна, уволенных после оккупации Ирака силами коалиции, а также из бывших членов «Аль-Каиды» в Ираке и радикальных суннитских формирований, воевавших против центральной власти и недовольных дискриминацией суннитов в Ираке после 2003 г. Впоследствии к ней присоединилось много террористов из других стран. Группировка, подобно «Аль-Каиде», поставила своей целью создание всемирного халифата на землях с большинством мусульман, а также уничтожение Израиля. Её идеология была примитивной и варварской и подразумевала истребление всех немусульман, всех мусульман-несуннитов и даже тех суннитов, которые не признают её власть: так, сунниты, выступающие за демократию, были приравнены к идолопоклонникам. ИГИЛ стала известна на весь мир своими жестокими показательными казнями (включая иностранных журналистов и работников благотворительных организаций). Кроме того, члены группировки разрушали древние неисламские памятники культуры, массово убивали, изгоняли и угоняли в рабство несуннитов (шиитов, христиан и езидов), а также устраивали теракты далеко за пределами контролируемой территории (крушение российского самолёта над Синайским полуостровом в октябре 2015 г., теракт в Париже в ноябре 2015 г. и многие другие). Стоит отметить особо, что 126 выдающихся исламских учёных и богословов подробно разобрали основные преступные практики ИГИЛ (которые группировка не только признавала, но и хвасталась ими, представляя свои преступления как «борьбу за ислам») и безоговорочно осудили их, отметив, что они не имеют отношения к истинному исламскому учению и представляют собой или грубое искажение, или слишком буквальное и неприемлемое в современном мире толкование исламских текстов при полном пренебрежении богатой исламской богословской и экзегетической традицией [Hawley, 2017; Raben, 2018; Filin, Fahmy, Khodunov, Koklikov, 2022].

В результате авиаударов сначала со стороны западной коалиции, а затем – ВКС России, с опорой на правительственные армии Ирака и Сирии, ИГИЛ удалось быстро ликвидировать, и к концу 2017 г. группировка в целом была уничтожена.

Менее радикальной и кровавой, но всё же определённо фундаменталистской и ретроградной, выглядит такая организация, как Талибан. Талибы правили Афганистаном в 1996–2001 гг., в 2021 г. они вновь пришли к власти. Талибан по-прежнему придерживается радикально-фундаменталистского толкования исламских норм и считает, что только он знает, что такое «истинный» ислам. Хотя формально талибы заявили о стремлении соблюдать права человека, фактически положение меньшинств, в частности, христиан и особенно – шиитов-хазарейцев (которые в 1998 г. подверглись настоящей резне в г. Мазари-Шариф, где погибло 2 тыс. хазарейцев за 3 дня), при новой власти остаётся очень сложным. В 2021 г. была восстановлена полиция нравов, действовавшая в 1990-х гг. Также серьёзно нарушаются права афганских женщин: в частности, им стало практически недоступно среднее и высшее образование. К тому же талибы, судя по опросу 2019 г., очень непопулярны среди афганцев: 85,1% опрошенных заявили, что не чувствуют «вообще никакой симпатии» к Талибану [Maley, 2023, 55–64]. Впрочем, талибы смогли оказать минимально необходимую помощь пострадавшим от землетрясений и наводнений (с помощью ООН и других международных организаций), однако до сих пор пренебрегают требованием той же ООН о предоставлении женщинам полноценного образования [Зимин, 2023, 176–179]. Правительство талибов так и не создало легитимных и устойчивых государственных институтов и работающего законодательства, однако во внешнеполитическом плане талибы в настоящее время не представляют угрозы для соседних государств и даже борются с ячейками ИГИЛ и «Аль-Каиды» в Афганистане [Самеулл, 2023].

К более умеренным суннитским фундаменталистам следует отнести последователей религиозного и политического деятеля Хасана Тураби (1932–2016 гг.) в Судане, которые приобрели большое влияние в стране после военного переворота 1989 г. Военные использовали исламистов для укрепления и легитимации своей власти внутри страны и для получения льготных кредитов от богатых арабских стран. Так, например, была осуществлена полная исламизация политической системы и

введены законы шариата (в том числе и в Южном Судане, населённом христианами и анимистами, что стало одной из причин борьбы за отделение Южного Судана). Все важнейшие решения новых властей объяснялись исламскими догматами. Суданские фундаменталисты заставляли гражданских и военных чиновников принять исламистское мировоззрение; многие несогласные интеллектуалы и состоятельные граждане бежали из страны. Подобное навязывание взглядов является характерной чертой религиозного фундаментализма. Впоследствии военные во главе с Омаром аль-Баширом в 1999 г. отстранили исламистов от власти, а Х. Тураби был смещён с поста спикера парламента. Нужно отметить, что Х. Тураби после своего отстранения от власти неожиданно выступил с идеями, необычно либеральными для исламского фундаментализма [Кудров, 2009].

В целом у суданских фундаменталистов особенно проявилось желание силой заставлять всех граждан соблюдать основные исламские заповеди: специальные комитеты следили за участием мусульман в коллективных молитвах в мечетях по пятницам (отказ участвовать в них стал считаться правонарушением и наказывался), также по пятницам была запрещена торговля на рынках; была введена сегрегация мужчин и женщин в транспорте, нельзя было продавать алкоголь. В качестве национальной валюты вместо фунта был введён динар как наследие «четырёх праведных халифов». Но всё же для религиозных меньшинств конституция 1998 г. гарантировала свободу вероисповедания (хотя выход из ислама был запрещён), поэтому массового насильственного обращения, например, христиан в ислам, в стране не было [Серёгичев, 2010, 98–103].

Что касается шиитского фундаментализма, то здесь можно вначале рассмотреть единственную в мире шиитскую теократию – исламский режим в Иране, установленный аятоллой Рухоллой Хомейни в 1979 г. Нужно отметить, что некоторые черты созданного Хомейни режима являются не фундаменталистскими, а, скорее, прогрессивными нововведениями для Ирана (например, наличие избираемого народом президента, от действий которого сильно зависит внешняя политика Ирана и его положение на международной арене). Однако, во-первых, избираемые органы власти (президент и парламент) подчиняются неизбираемому (прежде всего, духовному лидеру). Во-вторых, некоторые аспекты внутривластной жизни Ирана многие эксперты считают присущими фундаменталистским режимам. Прежде всего, это жёсткий контроль государства – посредством полиции нравов – над одеждой и бытом граждан (запрет шорт, мини-юбок, совместных пляжей, продажи алкоголя и др.). Кроме того, в политической жизни Ирана строго запрещены все партии и организации, отказывающиеся признать принцип соединения государства с религией (например, либералы, коммунисты, социал-демократы, персидские националисты [Filin, Fahmy, Khodunov, Koklikov, 2022]). Также в истории исламского правления в Иране имелись случаи массовых казней: так, от 3 тыс. до 5 тыс. оппозиционеров из леворадикальной организации «Моджахедин-э Хальк» были казнены летом 1988 г. на том основании, что некоторые её члены воевали на стороне Ирака против иранских войск; также были казнены левые политзаключённые-атеисты [Shahrooz, 2007]. Самого аятоллу Хомейни, впрочем, никак нельзя отнести к террористам и экстремистам, так как он во время войны с Ираком строго запрещал своим войскам убивать безоружных иракцев – мирных жителей и пленных. К тому же он амнистировал многих полицейских и чиновников шахского режима, которые не совершали тяжёлых уголовных преступлений [Filin, Fahmy, Khodunov, Koklikov, 2022, 875–878]. Также Хомейни с подчёркнутым уважением относился к традиционным религиозным меньшинствам Ирана – мусульманам-суннитам, христианам, зороастрийцам и иудеям: последним даже централизованно раздавали кошерное мясо и муку для приготовления мацы [Алиев, 2002, 678–679].

В целом можно сделать вывод о переходе шиитских фундаменталистских режимов и организаций – исламского режима в Иране и ливанской организации «Хезболла» (во всяком случае, её политического крыла) на более умеренные позиции по сравнению с их радикальными взглядами в 1980-е гг. по отдельным вопросам (например, политика «экспорта исламской революции» в Иране, а в случае Хезболлы – она подозревается в теракте 1983 г., повлёкшем за собой смерть сотен спящих во-

еннослужащих миротворческих миссий США и Франции). Так, Хезболла в начале 1990-х гг. официально отказалась от диверсионно-террористических методов борьбы и трансформировалась из военной группировки в политическую организацию с военным крылом, хотя и очень мощным [Исаев, Коротаев, 2013, 202–203]. Политическое крыло Хезболлы, в частности, уже долгое время успешно взаимодействует с ливанскими христианскими партиями. Так, в 2006 г. сформировалась коалиция Хезболлы и шиитского движения «Амаль» с христианской Свободной патриотической партией (партия бывшего президента Ливана маронита Мишеля Ауна); эта коалиция победила на выборах 2018 г. [Басисини, 2018].

Благодарность

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00535 «Борьба за новый мировой порядок и усиление дестабилизационных процессов в Мир-Системе»), <https://rscf.ru/project/23-18-00535/>

Acknowledgement

The research was carried out within the framework of the HSE Fundamental Research Program in 2024 with the support of the Russian Science Foundation (Project No. 23-18-00535 “The Struggle for a New World Order and the Strengthening Destabilization Processes in the World System”), <https://rscf.ru/project/23-18-00535/>

Библиографический список

1. Алиев, А.А. Иран vs Ирак: история и современность / А.А. Алиев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. – 768 с.
2. Басисини, А. Лидер «Хезболлы» объявил о победе на выборах в парламент Ливана [Электронный ресурс] / А. Басисини // РБК: офиц. сайт. – 2018. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/05/2018/5af024639a794715402c984e> (дата обращения 28.06.2024).
3. Головушкин, Д.А., В «тени» традиции: проблемы и перспективы изучения фундаментализма новых религиозных движений / Д.А. Головушкин, Р.А. Соколов // Религиоведение. – 2024. – № 2. – С. 77–85.
4. Гринин, Л.Е. Радикальный исламизм, религиозный фактор и дестабилизация в странах Африканской макрзоны нестабильности / Л.Е. Гринин // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11. Ч. 2 / Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, Д.А. Быканова. – Волгоград: Учитель, 2020. – С. 810–828.
5. Гринин, Л.Е. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке / Л.Е. Гринин, Л.М. Исаев, А.В. Коротаев. – М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2016. – 384 с.
6. Зимин, И.А. Социальные вызовы новому правительству «Талибана» / И.А. Зимин // Россия и мир: научный диалог. – 2023. – Т. 8. – № 2. – С. 171–181.
7. Исаев, Л.М. Ливан: рай на вулкане / Л.М. Исаев, А.В. Коротаев // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны / Отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. – М.: Ленанд/URSS, 2013. – С. 187–213.
8. Ким, В.В. Экстремистские потенции религиозного фундаментализма: от истоков до наших дней / В.В. Ким // Исламоведение. – 2014. – № 4. – С. 6–17.
9. Кудров, Е.А. Судан на перепутье. Война или мир? / Е.А. Кудров. – М.: Библос консалтинг, 2009. – 288 с.
10. Мирский, Г. Бен Ладен, «Аль-Каида» и судьба джихадизма / Г. Мирский // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 12. – С. 31–48.
11. Семеулла, П. Талибы празднуют победу над США, а Вашингтон их финансирует [Электронный ресурс] / П. Семеулла // Media.az: офиц. сайт. – 2023. – URL: <https://media.az/politika/taliby-prazdnuyut-pobedu-nad-ssha-a-vashington-ih-finansiruet-dlya-oxuaz-kommentiruet-sameulla-pouya> (дата обращения 12.08.2024).
12. Серёгичев, С.Ю. Исламо-фундаментализм в Судане: мифы и реальность / С.Ю. Серёгичев // Восток (Oriens). – 2010. – № 2. – С. 95–107.
13. Спицына, А. Нападения иудеев-радикалов приводят к оттоку христиан со Святой земли, считает советник патриарха [Электронный ресурс] / А. Спицына. // RG.Ru: офиц. сайт. – 2023. – URL: <https://rg.ru/2023/04/01/napadeniia-iudeev-radikalov-privodiat-k-ottoku-hristian-so-sviatoj-zemli-schitaet-sovetnik-patriarha.html> (дата обращения 28.06.2024).

14. Altemeyer, B., Authoritarianism, religious fundamentalism, quest, and prejudice / B. Altemeyer, B. Hunsberger // *International Journal for the Psychology of Religion*. – 1992. – Vol. 2. – No. 2. – P. 113–133.
15. America and Arabic media [Электронный ресурс] // Aljazeera.net: офиц. сайт. – URL: <https://www.aljazeera.net/programs/opposite-direction/2010/1/21/أميركا-والإعلام-العربي> (дата обращения 28.06.2024).
16. Byman, D. Does Al Qaeda Have a Future? / D. Byman // *The Washington Quarterly*. – 2019. – Vol. 42. – No. 3. – P. 65–75.
17. Filin, N. Two experiences of the Islamic “Revival”: The 1979 Islamic revolution in Iran and the formation of the Islamic State in Syria and Iraq in the 2010s / N. Filin, S. Fahmy, V. Koklikov, A. Khodunov // *Handbook of revolutions in the 21st century: The new waves of revolutions, and the causes and effects of disruptive political change* / Ed. by J.A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. – Cham: Springer, 2022. – P. 865–883.
18. Hawley, E. ISIS crimes against the Shia: The Islamic State’s genocide against Shia Muslims / E. Hawley // *Genocide Studies International*. – 2017. – Vol. 11. – No. 2. – P. 160–181.
19. Maley, W. Ideology, Clericalism, and Socialization: Some Reflections on the Sociology of the Afghan Taliban / W. Maley // *The Review of Faith & International Affairs*. – 2023. – Vol. 21. – No. 3. – P. 55–68.
20. Naik, Z. Does The Quran Promote Violence [Электронный ресурс] / Z. Naik // *Muslimcentral.com*: офиц. сайт. – URL: <https://muslimcentral.com/zakir-naik-does-the-quran-promote-violence/> (дата обращения 17.06.2024).
21. Olson, K.B. Aum Shinrikyo: once and future threat? / K.B. Olson // *Emerging Infectious Diseases*. – 1999. – Vol. 5. – No. 4. – P. 513–516.
22. Perić, R. Stepinčevi interventi kod Pavelića / R. Perić // *Hercegovina. Časopis za kulturno i povijesno naslijeđe*. – 2017. – No. 3. – P. 179–211.
23. Raben, S. M. The ISIS eradication of Christians and Yazidis: Human trafficking, genocide, and the missing international efforts to stop it / S. M. Raben // *Revista De Direito Internacional*. – 2018. – Vol. 15. – No. 1. – P. 238–253.
- Shahrooz, K. With Revolutionary Rage and Rancor: A Preliminary Report on the 1988 Massacre of Iran’s Political Prisoners / K. Shahrooz // *Harvard Human Rights Journal*. – 2007. – Vol. 20. – P. 227–261.
24. Steuerwald, H. Fundamentalismus und religiöser Fanatismus in der Welt von heute [Электронный ресурс]. – URL: <http://ak-schulfach-ethik.de/download/Fundamentalismus.pdf> (дата обращения 17.06.2024).

Текст поступил в редакцию 14.03.2025.

Принят к печати 14.04.2025.

Опубликован 30.09.2025.

References

1. Aliyev A.A. *Iran vs Irak: istoriya i sovremennost'* [Iran vs Iraq. History and Modernity]. Moscow: Moscow University Press, 2002, 768 p. (in Russian).
2. Altemeyer B., Hunsberger B. Authoritarianism, religious fundamentalism, quest, and prejudice. *International Journal for the Psychology of Religion*. 1992, vol. 2, no. 2, pp. 113–133.
3. America and Arabic media. Available at: <https://www.aljazeera.net/programs/opposite-direction/2010/1/21/أميركا-والإعلام-العربي> (accessed on June 28, 2024) (in Arabic).
4. Basisini A. *Lider “Hezbollah” obyavil o pobede na viborakh v parlament Livana* [Hezbollah leader announces victory in Lebanese parliamentary elections]. 2018. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/07/05/2018/5af024639a794715402c984e> (accessed on June 28, 2024) (in Russian).
5. Byman D. Does Al Qaeda Have a Future? *The Washington Quarterly*. 2019, vol. 42, no. 3, pp. 65–75.
6. Filin N., Fahmy S., Khodunov A., Koklikov V. *Handbook of revolutions in the 21st century: The new waves of revolutions, and the causes and effects of disruptive political change*. Ed. by J.A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham: Springer, 2022, pp. 865–883.
7. Golovushkin D.A., Sokolov R.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2024, no. 2, pp. 77–85 (in Russian).
8. Grinin L.E. *Sistemnyi monitoring global'nikh i regional'nikh riskov: yezhegodnik. T. 11. Chast' 2* [Systemic Monitoring of Global and Regional Risks. Vol. 12. Part 2]. Ed. by L.E. Grinin, A.V. Korotayev, D.A. Bykanova. Volgograd: Uchitel', 2020, pp. 810–828 (in Russian).
9. Grinin L.E., Issaev L.M., Korotayev A.V. *Revolutsii i nestabil'nost' na Blizhnem Vostoke* [Revolutions and instability in the Middle East]. Moscow: Uchitel', 2016, 384 p. (in Russian).
10. Hawley E. ISIS crimes against the Shia: The Islamic State’s genocide against Shia Muslims. *Genocide Studies International*. 2017, vol. 11, no. 2, pp. 160–181.

11. Issaev L.M., Korotayev A.V. *Sistemniy monitoring global'nikh i regional'nikh riskov: Arabskiy mir posle Arabskoy vesni* [Systematic Monitoring of Global and Regional Risks: The Arab World after the Arab Spring]. Ed. by A.V. Korotayev, L.M. Issaev, A.R. Shishkina. Moscow: Lenand/URSS, 2013, pp. 187–213 (in Russian).
12. Kim V.V. *Islamovedenie* [Islamic Studies]. Makhachkala: Dagestan State University, 2014, no. 4, pp. 6–17 (in Russian).
16. Kudrov E. A. *Sudan na pereputye. Voyna ili mir?* [Sudan at a Crossroads. War or Peace?]. Moscow: Biblos Consulting, 2009, 288 p. (in Russian).
13. Maley W. Ideology, Clericalism, and Socialization: Some Reflections on the Sociology of the Afghan Taliban. *The Review of Faith & International Affairs*. 2023, vol. 21, no. 3, pp. 55–68.
14. Mirskiy G. *Mirovaya ekonomika i mezdunarodniye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. Moscow: IMEMO, 2011, no. 12, pp. 31–48 (in Russian).
15. Naik Z. *Does the Quran Promote Violence?* 2023. Available at: <https://muslimcentral.com/zakir-naik-does-the-quran-promote-violence/> (accessed on June 17, 2024).
16. Olson K.B. Aum Shinrikyo: once and future threat? *Emerging Infectious Diseases*. 1999, vol. 5, no. 4, pp. 513–516.
17. Perić R. Stepinčevi interventi kod Pavelića. *Hercegovina. Časopis za kulturno i povijesno naslijeđe*. 2017, no. 3, pp. 179–211 (in Croatian).
18. Raben S.M. The ISIS eradication of Christians and Yazidis: Human trafficking, genocide, and the missing international efforts to stop it. *Revista De Direito Internacional*. 2018, vol. 15, no. 1, pp. 238–253.
19. Sameullah P. *Taliby prazdnuyut pobedu nad SSHA, a Vashington ikh finansiruyet* [The Taliban Celebrate Victory over the United States, and Washington Finances Them]. 2023. Available at: <https://media.az/politika/taliby-prazdnuyut-pobedu-nad-ssha-a-vashington-ih-finansiruet-dlya-oxuaz-komentiru-et-sameulla-poyya> (accessed on August 12, 2024) (in Russian).
20. Seregichev S.Yu. *Vostok* [Oriens]. Moscow: RAS, 2010, no. 2, pp. 95–107 (in Russian).
21. Shahrooz K. With Revolutionary Rage and Rancor: A Preliminary Report on the 1988 Massacre of Iran's Political Prisoners. *Harvard Human Rights Journal*. 2007, vol. 20, pp. 227–261.
22. Spitsyna A. *Napadeniya iudeev-radikalov privodyat k ottoku hristian so Svyatoy Zemli, schitayet sovetnik patriarkha* [Attacks by radical Jews lead to an outflow of Christians from the Holy Land, says the Patriarch's adviser]. 2023. Available at: <https://rg.ru/2023/04/01/napadeniia-iudeev-radikalov-privodi-at-k-ottoku-hristian-so-sviatoj-zemli-schitaet-sovetnik-patriarha.html> (accessed on June 28, 2024) (in Russian).
23. Steuerwald H. *Fundamentalismus und religiöser Fanatismus in der Welt von heute*. Available at: <http://ak-schulfach-ethik.de/download/Fundamentalismus.pdf> (accessed on June 17, 2024) (in German).
24. Zimin I.A. *Rossiya i mir: nauchniy dialog* [Russia and the world: scientific dialogue]. Moscow: Na-tional'niy issledovatel'skiy institut razvitiya kommunikatsiy, 2023, vol. 8, no. 2, pp. 171–181 (in Russian).

Submitted for publication: March 14, 2025.

Accepted for publication: April 14, 2025.

Published: September 30, 2025.